

Методы вмешательства третьих сторон

Рональд Дж. Фишер

www.berghof-handbook.net

Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •
Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict
Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention • Development Cooperation •
Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding
• Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation
• Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •

Методы вмешательства третьих сторон

Рональд Дж. Фишер

1. Введение

Вмешательства третьей стороны в конфликты имеют долгую историю, а также широкий диапазон форм и функций. Практически в любом обществе и на любом уровне социального взаимодействия стороны конфликта могут найти третью сторону, которая помогла бы им разрешить спор. Наиболее распространенный тип реагирования на ощутимую несовместимость целей, методов или ценностей между сторонами состоит в инициировании переговоров, которые позволяют достичь взаимоприемлемого соглашения по предмету спора. Следовательно, переговоры, хотя и принимают разную форму в разных культурах, могут расцениваться как универсальный общественный феномен.

Поскольку цель посредничества представляет налаживание переговорного процесса, оно должно соответствовать нормам и принципам, принятым в данном культурном контексте, будь то культура всего общества, отдельной группы, организации, общественного института или международной дипломатии в целом. Некоторые западные ученые и практики предприняли попытку выработать общие модели переговоров и посредничества, отражающие их основополагающие элементы. Однако для того, чтобы удостовериться, что такие общие модели действительно могут существовать, необходимы дополнительные межкультурные исследования.

В этих моделях формы вмешательства различаются прежде всего по тому, каким объемом власти обладает субъект вмешательства по отношению к процессу и результату конфликта. На вершине подобной шкалы власти споры передаются на рассмотрение суда или арбитража, которые выносят обязательное решение. В середине шкалы стоят посредники, которые обладают значительной властью и имеют в своем распоряжении значительный набор стимулов или угроз наказания, с помощью которых они подталкивают стороны конфликта к заключению соглашения. Наконец, те третьи стороны, которые оказываются внизу шкалы, играют лишь вспомогательную и диагностическую роль, способствуя лучшему пониманию вопросов, затронутых в конфликте, поддерживая усилия сторон по заключению соглашения или перестройке своих отношений. Как минимум, субъекты вмешательства помогают наладить общение между сторонами с тем, чтобы они могли сами разрешить спорные вопросы. Иногда роль третьей стороны может ограничиваться предоставлением нейтрального места для встречи или обеспечением фасада для сохранения лица, который позволил бы сторонам встретиться и обсудить конфликт.

Шкала власти, ранжирующая вмешательства третьих сторон, характеризуется не только их возможностью оказывать влияние, но и переходом к новому типу власти, который заслуживает особого внимания. Если использовать то целесообразное различие, которое дается в феминистской литературе, то более традиционные типы власти, основанные на принуждении, используют власть и контроль как власть над стороной, в то время как методы решения проблем стремятся использовать и поощрять власть “совместно со стороной” (*Schaef, 1981; Taylor, Miller, 1994*). Д. Уикс (*Weeks, 1992*) аналогично предлагает делать различие между негативной властью, которая пытается взять верх над другой стороной, и позитивной властью, которая направлена на укрепление конструктивного потенциала обеих сторон. Не вызывает сомнений, что самые поздние и инновационные формы вмешательства осуществляются посредством совместной власти и имеют целью убедить противников использовать в конфликте позитивную, а не негативную власть. Для этого, однако,

третьи стороны должны сохранять контроль над процессом вмешательства, а не над его результатами.

Влияние третьей стороны и меры, предпринимаемые ею для достижения результата, зависят, безусловно, от идентичности самой третьей стороны. Поэтому столь важна фигура посредника и особенно его/ее взаимоотношения со сторонами конфликта, т.к. это влияет на его/ее статус и беспристрастность. Необходимо знать, играет ли третья сторона формальную, официальную роль и какими требованиями и ограничениями это сопровождается или же она действует как неформальный неофициальный посредник, имеющий больше маневренности, но которому приходится действовать в более неопределенной ситуации. С мотивами и интересами, по которым человек извне вмешивается в конфликт, тесно связан вопрос идентичности, качеств и умений, привносимых третьей стороной в процесс. Теоретические изыскания по этим аспектам проводились в основном по теме посредничества, однако аналогичные вопросы должны быть также рассмотрены и в отношении других форм вмешательства третьих сторон.

В литературе по вмешательствам относительно недавно была высказана идея, что единственного, унифицированного метода вмешательства, который позволял бы решить любой конфликт на любой его стадии, не существует. Другими словами, прежде чем предлагать формы вмешательства для достижения соглашения и разрешения конфликта, третья сторона должна провести детальный анализ всех ключевых элементов конфликта.

Рассмотрение наиболее важных характеристик конфликта позволяет ответить на вопрос, какая третья сторона способна осуществить наиболее эффективное вмешательство, и как это вмешательство должно происходить. Кроме того, важно обращать внимание на стадии конфликта, которые могут варьировать от его первоначального проявления и первых попыток урегулирования, стадии эскалации конфликта и вплоть до тупиковой ситуации и истощения или же (как можно надеяться) до переговоров, достижению соглашения и периода после заключения соглашения. Для третьих сторон особую сложность представляют проявления насилия, в результате чего конфликты начинают казаться неразрешимыми. Такое восприятие предполагает, что существующая методология должна быть адаптирована к каждой индивидуальной ситуации. На сегодня это противоречит принятой практике, особенно в сфере посредничества, где одно и то же средство используется для решения разных, подчас несоизмеримых, проблем.

Аналогичным образом необходимо рассматривать взаимосвязь разных форм вмешательства и трансформации конфликтов, особенно потому, что они выполняют в общем процессе разные функции. Традиционное посредничество, особенно осуществленное с позиции силы, направлено в первую очередь на прекращение насилия и по возможности скорейшего заключения соглашения (чаще всего лишь закрепляющее статус-кво). Вследствие этого подавляются те социальные изменения, которые могли бы принести в общество равенство и равновесие. Наряду с этим такие инновационные и неофициальные методы вмешательства, как семинары по решению проблем, начинаются с анализа первопричин конфликта. Это позволяет им в дальнейшем рассмотреть правомерные интересы каждой из сторон; тем самым такие методы помогают осуществлять долгосрочную трансформацию конфликтов.

В этой работе необходимо учитывать баланс власти, а также стремиться трансформировать деструктивные взаимоотношения в такие, где конфликты решаются конструктивно. Трансформация конфликтов также предполагает, что соперники начнут совместно создавать политические, экономические и социальные структуры, которые в долгосрочной перспективе обеспечивали бы позитивный мир и социальную справедливость. Не вызывает сомнений, что подобные цели требуют, что-

бы третья сторона осуществляла более комплексные и скоординированные действия, чем принято в традиционной сфере разрешения конфликтов.

Обобщая, следует заметить, что в сфере вмешательств третьей стороны существуют как разногласия и неясности, так и вопросы, по которым имеется общее согласие. На теоретическом, исследовательском и практическом уровнях еще предстоит рассмотреть множество проблем и вопросов. Я уже упоминал вопрос о правомерности сведения разных культур к одному общему знаменателю, а также проблеме необъективности и мотивации третьей стороны. Вопрос о выборе времени вмешательства и асимметрии власти между сторонами, рассматриваемый далее, позволит оценить сложность стоящих перед нами задач, как в плане концептуализации, так и в плане практического осуществления.

Кроме того, нельзя упускать из внимания фундаментальные вопросы, касающиеся эффективности третьих сторон, а также этики вмешательств в ситуации, где культура отличается от нашей. Неудивительно, что вмешательство третьей стороны как для теоретиков, так и для практиков стало одним из наиболее популярных предметов в общественных науках.

2. Посредничество

2.1. Определение посредничества и типы посредничества

Существует множество разных определений посредничества, которые отражают несколько его основных характеристик. Оно обычно рассматривается как вмешательство квалифицированных и беспристрастных посредников, которые помогают сторонам достичь взаимоприемлемого соглашения по тем вопросам, которые лежат в основе конфликта между ними. Посредничество представляет собой мирный, не принудительный и необязывающий подход к урегулированию конфликта, в котором стороны участвуют только по своей собственной воле, сохраняя контроль над содержанием соглашения. Таким образом, оно является прежде всего методом целенаправленного решения проблемы, стоящей перед обеими сторонами, обычно не затрагивающей характера социальных отношений между ним. Оно может применяться в двустороннем порядке для разрешения конфликта между двумя сторонами или же между несколькими сторонами в рамках многосторонних переговоров. Комплексный характер подобных многосторонних вмешательств лишь недавно стал объектом внимания в теории и практике посредничества.

Поскольку социальный конфликт представляет собой неотъемлемый элемент человеческой жизни, то неудивительно, что посредничество можно обнаружить на всех уровнях социального взаимодействия, практически во всех обществах, в настоящем и в прошлом. К. Мур (*Moore, 1996*) в своем кратком, однако, всестороннем исследовании по истории посредничества показывает, что подобная форма вмешательства применялась практически во всех культурах, во всех регионах мира и во все периоды письменной истории. В разрешении потенциально разрушительных конфликтов роль посредника в своих сообществах выполняли религиозные лидеры, старейшины, а иногда и специально назначенные лица. В современных светских обществах на Западе практика посредничества распространилась на разрешение межличностных конфликтов, будь то разводы и тяжбы за право опекуна, жалобы и конфликты на рабочих местах, стычки в школе на переменках, взаимоотношения между домовладельцами и квартиросъемщиками, жалобы потребителей или корпоративные “бои” в организациях.

На уровне межгрупповых конфликтов довольно долгую институциональную историю имеет посредничество между профсоюзами и администрацией, в то время как вмешательство третьих сторон в столкновения и стычки между соседями и разными этническими группами представляет относительно недавний феномен. Динамичное направление в теории и практике посредничества – это вмешательство в многосторонние конфликты в сфере экологии, управления и государственной политики. В дополнение к вынесению судебных приговоров в уголовных и административных делах стал также применяться метод альтернативного решения конфликтов (АРК), который позволяет, например, достичь примирения между жертвой и преступником. Эти инициативы стремятся заменить или дополнить традиционные методы урегулирования конфликтов (которые обычно опираются на авторитарные решения и рассматривают стороны как противников) подходами, требующими от сторон определенной формы сотрудничества в решении существующей проблемы.

Широкое использование посредничества для решения многих социальных проблем, которое в 1960-е гг. предпринималось в США и в некоторых других странах, привело к появлению обширной литературы, в которой предпринимались попытки осмыслить этот метод и его применение в разных сферах. В своей работе по трансформационному потенциалу посредничества Барух Буш и Дж. Фолгер (*Baruch Bush, Folger, 1994*) подчеркивают, что в целом оно по-прежнему воспринимается как “неформальный процесс, в котором нейтральная третья сторона, не обладающая властью навязать соглашение, помогает сторонам конфликта достичь взаимоприемлемого решения” (Ibid. P. 2). Исследование этих авторов выделяет четыре конкурирующих мотива или описания посредничества, каждое из которых акцентирует разные аспекты и результаты этого процесса.

“*Мотив удовлетворения*” состоит в том, что посредничество, в отличие от распределительного торга, помогает сторонам решать проблемы совместно, т.е. предлагает решения, которые отражают их интересы. “*Мотив социальной справедливости*” заключается в том, что посредничество помогает сплотить людей со схожими интересами, которые начинают меньше зависеть от внешних акторов в решении своих внутренних проблем, а значит, становятся менее подверженными эксплуатации. “*Мотив притеснения*” представляет совершенно противоположную картину: утверждается, что посредничество превратилось в инструмент, с помощью которого власть имущие эксплуатируют более уязвимые группы в обществе. Наконец “*мотив трансформации*” предполагает, что сила посредничества заключается в его способности трансформировать моральные качества и потенциал не только конфликтующих сторон, но и общества, в котором они живут.

Ни один из этих четырех мотивов не может считаться единственно правильным. Однако Буш и Фолгер утверждают, что мотив удовлетворения наиболее близок к реальности, поскольку на практике посредничество состоит, прежде всего, в поиске решения существующей проблемы и достижении соглашения между сторонами, а не в притеснении, активизации или трансформации на индивидуальном уровне. При этом Буш и Фолгер особо выделяют трансформирующее посредничество, поскольку оно способствует личностному развитию участников конфликта, которое может проявляться в укреплении их потенциала и способности к сопереживанию. Этот тип посредничества повышает уверенность участников в себе (восстановление самооценки и признание своих возможностей) и углубляет их понимание противника (признание проблем, с которыми приходится сталкиваться противоположной стороне и сопереживание). Подобные изменения на индивидуальном уровне можно расценивать как проявление новых моральных и социальных взглядов, посредством которых общество учится ценить взаимоотношения между людьми, а не удовлетворе-

ние личных запросов. Поэтому мотив социальной справедливости предлагает интересные параллели с описанной выше трансформацией конфликтов.

В международных отношениях посредничество также имеет долгую историю, а с развитием системы национальных государств его популярность значительно возросла. Посредничество стало стандартным инструментом для дипломатов. Некоторые ранние исследования посредничества представляют собой яркие описания личного опыта и знаний дипломатов. Международное посредничество обычно осуществляется официальными представителями государств, региональных организаций или ООН, причем последние вышли на первый план во второй половине XX в. Одновременно в международном посредничестве возросло значение неформальных вмешательств, осуществляемых авторитетными лицами и религиозными деятелями. Иллюстрацией этого может служить деятельность бывшего президента США Джимми Картера и конфиденциальная дипломатия квакеров.

В насильственных конфликтах на практике международное посредничество в политической сфере стало все чаще дополняться аналогичными усилиями на среднем и местном уровне. Инициативы чиновников среднего уровня, сотрудников неправительственных организаций, офицеров, сил по поддержанию мира и других акторов обычно менее известны, но они представляют собой отдельную категорию посреднических действий. Работая в военных зонах или в регионах, где осуществляется восстановление и другие формы социальных преобразований, эти люди используют свои организации, чтобы наладить практическое сотрудничество между противоборствующими фракциями, по-прежнему считающими друг друга врагами.

В рамках решения своих организационных задач эти практики занимаются достижением разных договоренностей. Помимо этого, они часто обнаруживают, что для использования своего мандата вынуждены посредничать между разными сторонами, касается ли это соблюдения соглашения о прекращении огня, предоставления гуманитарной помощи перемещенному населению или оказания медицинской помощи уязвимым группам. Поэтому современные этнополитические конфликты, а также формы вмешательства, применяемые международным сообществом, ставят новые задачи перед теорией и практикой посредничества.

2.2. Идентичность и мотивы

Третьи стороны должны хорошо представлять себе, кто они как таковые и какие характеристики и интересы они привносят в трехстороннюю ситуацию переговоров. От сторон конфликта посредники отличаются своей идентичностью, а также тем, что они не задействованы в споре непосредственно (в противном случае они сами были бы стороной конфликта). Это не означает, что посредники безразличны к конфликту или что, вступая в конфликт, они не преследуют каких-то своих интересов. Например, государства часто становятся посредниками с целью отстоять собственные интересы, связанные с безопасностью или экономическим развитием, чтобы сохранить или расширить сферу своего влияния или не позволить развалиться существующим альянсам. Как отмечает К. Митчелл (*Mitchell*, 1988), у посредничества могут быть свои мотивы, которые не должны восприниматься как должное. Мотивация может присутствовать как на личностном уровне (альтруизм, самоутверждение, материальная выгода), так и на институциональном (роль ООН, престиж государства). Во всех случаях посредник извлекает определенную выгоду из своей роли, будь то развитие осуществленного процесса (например повышение статуса) или получение результатов (например продвижение интересов в сфере безопасности).

Если взглянуть на весь спектр социальных ситуаций, в которых может применяться посредничество, легко можно обнаружить, что у посредника может быть совершенно разная идентичность как по отношению к обеим сторонам, так и по отношению к контексту конфликта. К. Мур (Moore, 1996) предлагает классификацию посредников по следующим трем типам. *Посредники в социальной сети* связаны со сторонами конфликта сложной паутиной взаимоотношений, и поэтому у них есть определенные обязательства в области развития и поддержания гармоничных отношений. В качестве примеров этого типа посредников можно привести старейшин в общинах, религиозных деятелей, коллег по работе и личных друзей. *Влиятельный посредник* находится в формальных отношениях со сторонами, а также имеет над ними определенную власть, однако не использует ее для определения исхода посредничества. Это могут быть корпоративные менеджеры, члены правления организации, государственные чиновники или представители сильного государства в международном сообществе. *Независимых посредников* можно найти в тех профессиональных сферах, целью которых является предоставление сторонам конфликта объективных консультаций. Это могут быть посредники по трудовым спорам, семейные и третьи стороны, посредничающие в конфликтах по поводу окружающей среды. Посредники этого типа должны обладать не только ключевыми характеристиками и навыками посредничества, но и компетенцией в своей сфере деятельности.

Относительно мотивации сторон конфликта, которые решили прибегнуть к посредничеству, часто предполагается, что они это делают с целью разрешить конфликт после разочарования в своих односторонних или двусторонних попытках или зашли в тупик. К сожалению, стороны не всегда придерживаются настолько конструктивных мотивов. Часто им просто бывает трудно отклонить приглашение влиятельного посредника, поскольку такой отказ может негативно отразиться на их имидже и надежности. Стороны могут включиться в посредничество с целью оттянуть время для консолидации сил для альтернативных стратегий. Они, возможно, просто хотят воспользоваться (или даже злоупотребить) посредничеством как способом протолкнуть свои односторонние интересы, не намереваясь идти на компромисс или искать решение совместно с противником. Поэтому первая (и постоянная) задача посредника состоит в правильной оценке мотивов сторон и определении, действительно ли они стремятся прийти к взаимоприемлемому соглашению.

2.3. Качества и компетенция, которыми должен обладать посредник

С идентичностью тесно связана другая важная характеристика посредника – его беспристрастность, которая должна проявляться в поведении и отношении к сторонам. Некоторая степень беспристрастности почти всегда ожидается от любого посредника, т.е. он не должен отдавать предпочтения одной из сторон и оставаться нейтральным по отношению к их совместным решениям. Личность посредника должна вызвать доверие у сторон; действительно, третья сторона часто остается единственным доверенным лицом для противников, поскольку по отношению друг к другу они испытывают лишь подозрения.

Помимо этих фундаментальных характеристик, третьи стороны должны для осуществления своей функции обладать также определенными знаниями и навыками. При посредничестве это включает глубокое понимание позиций сторон и существа разногласий, самого процесса переговоров и общего контекста, в котором ведется переговоры. В итоге компетентность посредника зависит прежде всего от его

навыков содействовать процессу переговоров. Для этого требуются разнообразные поведенческие навыки и тактики, общепринятого перечня которых просто не существует. Однако можно сказать, что основные требования включают навык сопереживающего выслушивания (и умение определить, когда сторона пытается манипулировать информацией), умение быстро составлять документы и – одно из наиболее важных качеств – чувство юмора.

К. Ханнемэн (*Honeyman*, 1993) вместе со своими коллегами поставил перед собой весьма амбициозную задачу составить общий перечень умений, требующихся от посредника, в контексте разрешения разных конфликтов в США, например между профсоюзами и администрацией, между разными группами в общинах, в коммерческой деятельности и в семейных ситуациях. Ему удалось обозначить основные задачи, стоящие перед посредником (налаживание общения, анализ информации, помощь в заключении соглашения), каждая из которых имеет свои подзадачи, а также навыки, необходимые для выполнения этих задач (аналитические навыки, невербальное общение, способность понять ценности стороны). Данная модель предлагает также критерии, по которым можно было бы оценить поведение посредника, включая шкалу оценки посреднических навыков (сопереживание, выработка альтернатив, управление процессом взаимодействия). В целом можно отметить, что западные подходы к посредничеству обычно выдвигают на первый план навыки общения и способность помочь сторонам совместно решить проблему.

Другая известная типология функций и ролей посредника была предложена С. Тувал и У. Зартманом (*Touval, Zartman*, 1985). Здесь его поведение классифицируется по категориям общения (например передавать информацию об уступках), способности формулировать идеи (например переформулировать проблему) и манипулирования (например легитимизировать требования сторон). Хотя категории общения и формулирования идей соответствуют традиционному пониманию посредничества как беспристрастного и, по сути, альтруистичного подхода, категория манипулирования может поставить вопрос о пристрастности и власти посредника – они рассматриваются более подробно ниже. В целом на протяжении процесса переговоров требуется весь набор навыков – от стадии первоначального контакта и подготовки к переговорам, далее – выявления проблем и интересов, разработки вариантов, обмена предпочтениями и уступками, интеграции альтернатив и, наконец, к убеждению сторон заключить соглашение, и в итоге – разработать детальный план его осуществления.

2.4. Оценка эффективности посредничества

Посредничество представляет собой стандартный инструмент международной дипломатии на протяжении многих веков, однако эффективность его стала объектом научного изучения лишь недавно. Многие его традиционные формы давно практикуются на внутривнутриполитической арене, но интерес исследователей был направлен в основном на новые формы, которые разрабатывались параллельно с юридической практикой разрешения споров. Были предприняты согласованные попытки оценить эти взаимодополняющие формы разрешения споров, включая притязания этих методов на их превосходство над принятыми судебными процедурами.

Для оценки посредничества в разных ситуациях, как, например: примирение между преступником и жертвой преступления, при разводе, суд малых исков, спор между соседями, конфликт между домовладельцами и квартиросъемщиками или споры в сфере экологии и государственной политики должны использоваться разные индикаторы. К. Крессел и Д. Прюитт (*Kressel, Pruitt*, 1989) составили их исчерпыва-

ющий перечень для оценки разных типов посредничества. Наиболее очевидный индикатор результатов – это процент заключения соглашений, а другой, не менее важный показатель – соблюдение соглашения и степень удовлетворения им участников. Кроме того, необходимо также обращать внимание на характер соглашения, поскольку посредничество часто заявляет, что помогает достичь большего компромисса и более равномерного распределения ресурсов между сторонами, чем судебная процедура.

Не менее важно определять также интегративность соглашения, т.е. в какой мере результат приводит к взаимному выигрышу, а не выигрышу одной стороны за счет другой или даже взаимному проигрышу. Крессел и Прюитт также отмечают, что необходимо оценивать не только эффективность посредничества, но и его результативность, индикаторами которой могут служить скорость процесса разрешения, стоимость задействованных процедур и экономия при избежании высоких судебных издержек и других юридических услуг. Наконец, дополнительным индикатором для оценки эффективности посредничества должен служить психологический климат после разрешения конфликта и долгосрочные взаимоотношения между его сторонами.

3. Формы вмешательства третьей стороны

3.1. Таксономия методов

Посредничество представляет собой наиболее распространенный тип вмешательства третьей стороны, однако в теории и на практике оно обычно дополняется другими методами. Для их обозначения в литературе по вмешательствам третьей стороны можно найти целый ряд терминов: примирение, поиск фактов, добрые услуги, посредничество ровни, арбитраж, фасилитация, судебные решения, посредничество-арбитраж, политический диалог и достижение консенсуса. Третьи стороны могут действовать на разных уровнях и в разных секторах внутри общества и между обществами, что усложняет оценку этого вида деятельности. Некоторые из этих ролей подразумевают, что третьи стороны будут выступать в качестве официальных лиц, в то время как другие осуществляются в более неформальной манере. Существуют третьи стороны, которые действуют на самых высоких уровнях принятия решений (макроуровень), есть такие, которые оказывают влияние на среднем уровне общества (мезоуровень), а есть и такие, которые работают в основном на уровне общин или рядового населения (микроуровень).

Действия третьих сторон на глобальном уровне можно также рассматривать сквозь призму концепции многоуровневой дипломатии, предложенной Дж. Макдональдом и Л. Даймонд. Они в своей работе опираются на различение дипломатии первого и второго уровней, предложенное изначально Дж. Монтвиллем, где первая определяется как традиционные дипломатические действия, а вторая – как неофициальное, неструктурированное взаимодействие противоборствующих групп и наций, направленное на разрешение конфликта. Даймонд и Макдональд (*Diamond, MacDonald, 1996*) описывают 9 уровней миротворчества и построения мира, начиная с предложенных Монтвиллем первого и второго уровней и добавляя к ним новые, направленные на разные секторы глобального сообщества. Например, четвертый уровень посвящен частным неофициальным лицам, осуществляющим такие инициативы, как неформальное посредничество, обменные программы и сотрудничество с неправительственными организациями. Седьмой уровень определяет роль религии в миротворчестве с точки зрения религиозных общин и таких движений, как па-

цифизм и ненасилие. Большинство этих уровней также предполагает участие в посреднических инициативах различных неофициальных лиц.

Более скромную попытку описать разные типы посредничества представляет собой обзор литературы, который автор данной статьи осуществил совместно с Л. Кишли несколько лет назад, и результатом которого стала базовая таксономия основных методов вмешательства (*Fisher, Keashley, 1990*). Мы преследовали цель внести ясность в ситуацию, когда один и тот же термин используется для обозначения совершенно разных концепций, и наряду с этим разные термины обозначают по сути один и тот же вид деятельности. А также предложили свою оценку недавней тенденции в литературе, связанной с размыванием границ между традиционным посредничеством и новыми формами вмешательства третьей стороны, подчеркивающими субъективные элементы конфликта (искаженное восприятие, базовые потребности) и качество взаимоотношений между сторонами конфликта. Мы были обеспокоены тем, что стирание различий может обесценить актуальность и эффективность таких методов, как фасилитация диалога и семинары по решению проблем, цель которых – строить между сторонами взаимопонимание и доверие, а не “выбивать” из них соглашение. Работа привела к разработке типологии, состоящей из 6 типов мирных вмешательств, которые относятся в основном к международному уровню, но при этом применимы также и к другим.

1. *Улаживание разногласий*, в котором пользующиеся доверием третьи стороны обеспечивают неформальную связь между противниками. Цель этого типа вмешательства – выявить проблемы, лежащие в основе конфликта, снизить уровень напряженности и наладить прямое взаимодействие, обычно в форме переговоров.
2. *Консультирование*, в котором третья сторона использует навыки межличностного общения и свое научно-социальное понимание причин и динамики конфликта, чтобы помочь сторонам посредством общения и анализа найти творческое решение конфликта.
3. *Посредничество как таковое*, в котором третья сторона путем переговоров помогает сторонам достичь соглашения по вопросам конфликта, используя такие навыки, как аргументация, убеждение, контроль над информацией и разработка альтернатив.
4. *Словое посредничество*, при котором посредничество как таковое дополняется рычагами влияния и принуждения в форме обещанных наград или угроз наказания. В этом варианте третья сторона может также следить за соблюдением соглашения или служить его гарантом.
5. *Арбитраж*, когда арбитр выслушивает каждую сторону, взвешивает достоинства их позиций, а затем налагает обязательное для обеих сторон решение, которое, как ожидается, будет честным и справедливым.
6. *Поддержка мира*, при котором третья сторона предоставляет военный контингент, наблюдающий за прекращением огня или соблюдением соглашения между противниками; занимается гуманитарной деятельностью, помогая населению вернуться к обычной жизни, и взаимодействует с международными гражданскими службами, которые также могут участвовать в управлении такими процессами принятия политических решений, как выборы.

В данной таксономии консультирование приблизительно соответствует второму уровню в модели Даймонда и Макдональда, где специалисты в неофициальном качестве участвуют в анализе, предотвращении и разрешении конфликтов. Консультирование происходит в основном на международном уровне, однако его приемы могут применяться и в межличностных, и межгрупповых конфликтах (*Fisher, 1972, 1983*). Консультирование сосредоточено прежде всего на анализе отношений между сторонами и на повышении качества взаимодействия, и это делает

его полезным дополнением к посредничеству, особенно на стадии подготовки к переговорам. Оно позволяет прояснить недоразумения, существующие между сторонами, снять с принципиальных вопросов эмоциональную нагрузку, а также установить между сторонами рабочие отношения, которые затем будут перенесены на стадию переговоров.

На внутригосударственном уровне существуют и такие формы посредничества, которые уделяют внимание вопросам взаимодействия (особенно в отличие от форм, ориентированных на достижение соглашения). На международном уровне, а также в таких видах межгрупповой работы, как отношения между работодателями и работниками посредничество слишком часто пренебрегает эмоциональными факторами и личными мнениями, рассматривая их как препятствия. Наиболее эффективным методом всестороннего решения конфликта может считаться сочетание консультирования и посредничества.

3.2. Ситуационный подход к вмешательству

Осознание того, что методы третьей стороны могут использоваться в разных сочетаниях или в разной последовательности, подтолкнуло Л. Кишли и меня глубже рассмотреть, как лучше адаптировать их к ключевым аспектам разных конфликтных ситуаций. Мы исходили из признания того, что конфликты, по сути, представляют собой смещение объективных интересов (соперничества за обладание недостаточными ресурсами, такими, как территория и т.д.) и субъективных элементов (таких, как восприятие, мнения и важность целей). Мы понимали, что по мере эскалации или интенсификации конфликта все большую роль начинают играть субъективные аспекты; в итоге, люди или группы, которые участвуют в деструктивном, в полном смысле слова, конфликте, действительно начинают видеть две разные реальности, крайне негативно воспринимая противоположную сторону, и в некритично позитивном свете – себя.

Эти факторы значительно затрудняют попытки третьих сторон (в том числе посредников) подвинуть стороны к заключению соглашения. Для подобных случаев нами разработана ситуационная модель вмешательства, которая опирается на более ранние работы наших коллег по конфликтам в организациях, и в частности Ф. Гласла (*Glasl*, 1982) и Х. Прейна (*Prein*, 1984). Наша модель предлагает выбирать ведущее (изначальное) вмешательство в соответствии со стадией эскалации конфликта, т.е. с существующим на данный момент сочетанием объективных и субъективных факторов (*Fisher, Keashly*, 1991; *Keashly, Fisher*, 1996). Мы выдвинули предположение, что ведущее вмешательство, если оно правильно структурировано, приведет к появлению определенных результатов, которые позволят осуществить новое вмешательство, снизившее бы напряженность в конфликте настолько, чтобы стороны могли бы далее регулировать его сами.

Сначала мы разработали модель, отражающую стадии эскалации конфликта, в которой были перечислены те объективные и субъективные элементы, важность которых возрастает по мере интенсификации конфликта, когда стороны начинают прибегать к силовым и все более спорным мерам и увеличивается разрыв между выигрышем и проигрышем. Отталкиваясь от более ранних теоретических разработок, мы предложили модель, содержащую четыре стадии эскалации: 1) дискуссия; 2) поляризация; 3) сегрегация; 4) разрушение.

На стадии *дискуссий* стороны обычно поддерживают вежливые отношения и стремятся достичь взаимовыгодного результата, соответствующего их объективным интересам. Однако они не уверены, приступать ли к переговорам, поэтому вме-

шательство третьей стороны с целью примирения на этой стадии весьма приветствуется. Подобный тип вмешательств помогает справиться с несложными проблемами восприятия и эмоций и приблизить стороны к переговорам, которые позволили бы им уладить разногласия.

На второй стадии – *стадии поляризации*, – когда отношения начинают ухудшаться и возникают негативные представления (стереотипы) и эмоции (враждебность), ведущим вмешательством должно стать консультирование. После того, как этот тип вмешательства поможет сторонам освободиться от искаженного восприятия, достичь большего взаимопонимания и разрядить накопленные негативные эмоции, стороны могут перейти к посредничеству как таковому, с помощью которого они смогут достичь соглашения.

На третьей стадии – *стадии сегрегации* – преобладают субъективные элементы, что выражается во взаимном недоверии и неуважении, ограничении прямого общения, использовании угроз и все большей популярности образа борьбы добра против зла. На данной стадии ситуационная модель предлагает использовать более сильное лекарство – арбитраж (если он возможен) или силовое посредничество, которые позволили бы сдержать взаимную враждебность сторон и ее негативное влияние на их взаимоотношения. Однако не вызывает сомнений, что если на данной стадии удастся навязать временное соглашение или договор о прекращении огня, это должно рассматриваться лишь как возможность начать серьезную работу по улучшению взаимоотношений между сторонами посредством консультирования. Если достигнуто некое улучшение ситуации, необходимо убедить стороны обратиться к посредничеству как таковому, чтобы расширить и завершить процесс улаживания конфликта.

Четвертая стадия – *стадия разрушения* – самая трудная для вмешательства, поскольку каждая сторона конфликта считает другую “недостойными людьми”, а свою ситуацию – настолько безнадежной, что стремится, если не выиграть, то по крайней мере потерять меньше, чем противоположная сторона. На данной стадии сторонам кажется, что на карту поставлено само их выживание – будь то потеря рабочего места, угроза физической расправы вплоть до убийства или же попытка уничтожить целую группу людей, как в ситуации геноцида. Ситуационная модель предписывает проведение операций по поддержанию мира, которые изолировали бы стороны друг от друга и освободили бы пространство для применения других методов. Можно также применить разные варианты арбитража или силового посредничества, которые на первых порах позволяют сдерживать взаимную враждебность и агрессию сторон. Однако на этом нельзя останавливаться: далее необходимо детальное консультирование, которое посредством интенсивного и продолжительного совместного анализа позволило бы снизить интенсивность конфликта, чему до настоящего времени препятствовали взаимные обиды сторон. Консультирование может подтолкнуть стороны к примирению и помочь им понять, почему они зашли так далеко.

Ситуационная модель по сути предлагает методы, которые помогают третьей стороне расширять объем своей власти и ее формы в ходе того, как стороны углубляют конфликт (Fisher, Keashly, 1990). По мере того, как стороны вкладывают в конфликт все больше сил и идей, третьей стороне могут потребоваться более мощные и открытые формы влияния, чтобы заставить стороны фундаментально переоценить свой подход к конфликту.

Разные формы вмешательства черпают легитимность в разных типах власти и поэтому должны оцениваться не только с точки зрения своей эффективности, но и с точки зрения этической допустимости. В примирении, консультировании и посредничестве как таковом третья сторона меньше контролирует сам процесс и его ре-

зультаты, но опирается на референтные (профессиональные) и экспертные (знания) виды власти, которые рассматривают стороны конфликта как равных себе (“власть совместно со стороной”). Для арбитража, силового посредничества и поддержания мира характерен больший контроль как над процессом, так и над его результатами, и они приносят в ситуацию больше юридической (ролевой) власти, власти стимулирования и принуждения (“власть над стороной”). Смещение или последовательное использование этих моделей поднимают ряд этических и моральных вопросов, которые требуют деликатного обращения на всех стадиях процесса.

Ситуационная модель призывает третьи стороны тщательно взвешивать выбираемый подход, а также детально анализировать конфликт, прежде чем заявлять, что предлагает самые эффективные методы, более всего соответствующие ситуации. Это требование отнюдь не исключает возможности сочетания разных потенциально полезных методов (например консультирования с посредничеством). В любом случае третьи стороны традиционного толка должны удостовериться, что их методы действительно отвечают субъективному и комплексному характеру обострившегося деструктивного конфликта вне зависимости от уровня взаимодействия. Наиболее подходящей отправной точкой для подобной серии вмешательств может служить первоначальный анализ, предлагаемый консультативным подходом, при условии, что стороны готовы к взаимодействию на этом уровне. Опыт показывает, что прежде чем вступить в формальные переговоры, стороны часто готовы инициировать неформальные обсуждения, в которых они ничем бы не рисковали.

Ситуационная модель получила дальнейшее развитие в работах Л. Крисберга (*Kriesberg, 1996*), который провел связь между деятельностью и функциями посредников на международном уровне и разными стадиями проявления конфликта: от подготовки к деэскалации, путем начала и развития переговоров, и к выполнению условий соглашения. Крисберг не только проанализировал эти виды деятельности, но и выделил 3 вида посредничества по типам посредников: формальные, неформальные третьи стороны и псевдопосредники, т.е. представители сторон, выполняющие важные посреднические функции.

Затем он определил, какие разные (или сходные) функции эти три типа могут осуществлять в процессе разрешения конфликта. Такие задачи, как отбор участников для переговоров, могут выполняться только формальным посредником, причем задача предоставления ресурсов для достижения соглашения – только формальным посредником, который располагает значительной властью. Для других задач (например концептуальное переосмысление конфликта) лучше всего на ранних стадиях конфликта подходят неформальные третьи стороны, вмешательство которых принимает вид семинаров по решению проблем. И наконец, некоторые задачи могут быть выполнены лишь псевдопосредниками, которые лучше всех могут установить доверие между сторонами в процессе переговоров.

Таким образом, Крисберг дополняет идею ситуативности более детальным анализом не только международного, но и других уровней. По мере того, как теория подкрепляется практическими примерами и наблюдениями, складывается более полная картина, что позволяет подбирать вмешательство третьей стороны в соответствии с ключевыми элементами и стадиями конфликта.

Сохраняя различия между официальными и неофициальными методами, Крисберг в своей работе показал также, на какие уровни общества должно быть направлено вмешательство. Дж.П. Ледерах (*Lederach, 1997*) предлагает в схожем ключе модель, которая охватывает разных акторов и разные подходы к построению мира, привязанные к тому или иному уровню конфликтующего общества.

Официальные подходы обычно применяются на уровне официальных руководителей в политической, военной и религиозной сферах, которые обладают

высокой общественной известностью. Они могут включать переговоры, посредником в которых выступает известная фигура, обычно общественный деятель, за спиной которого стоит какое-либо правительство или международная организация. Если использовать терминологию ситуационной модели, вмешательства на этом уровне принимают форму примирения, посредничества как такового, силового посредничества, арбитража и поддержания мира. Эти подходы обычно попадают под категорию “дипломатии первого уровня”, однако ряд недавних инициатив, где официальные лица участвовали в таких нетипичных, неофициальных процессах, как диалоги и круглые столы, привели к возникновению термина “полторный уровень”.

На уровне среднего звена в процессе конфликта в роли влиятельных лиц и третьих сторон могут выступать лидеры и деятели разных секторов общества – ученые и интеллигенция, писатели и журналисты, лидеры этнических и религиозных групп и руководители неправительственных организаций. Они не обладают формальной властью, поэтому их влияние опирается на мягкие формы власти, что позволяет им служить важным связующим звеном между официальными лидерами и обществом в целом. Для этого уровня характерны такие подходы, как семинары по решению проблем (интерактивное решение конфликта), обучение разрешению конфликтов и создание структур, направленных на построение мира и примирение. В терминах ситуационной модели на этом уровне значительная работа осуществляется такими методами, как примирение, посредничество как таковое и консультирование, проводимые в форме диалога и анализа конфликта среди лидеров среднего звена.

На третьем уровне (уровне рядовых граждан) на первый план выступают местные лидеры, которые занимаются развитием общин, налаживают социальные службы, работают в лагерях беженцев или руководят неправительственными организациями. Эти деятели выступают от имени простых людей, которые больше всего пострадали от конфликта. Это лидеры, которым приходится решать повседневные вопросы, часто касающиеся проблем выживания и уровня жизни. Инициативы в сфере построения мира на этом уровне обычно привлекают лидеров и участников других групп, и их результаты просачиваются и на более высокие уровни. Здесь наиболее эффективны такие виды деятельности, как создание местных комиссий мира, осуществление программ по преодолению предрассудков, обучение навыкам разрешения конфликтов и психосоциальная работа по исцелению психологических травм.

В терминах ситуационной модели на этом уровне могут действовать как третьи стороны, так и гуманитарные агентства и организации развития. Первые могут проводить консультации на местном уровне с привлечением сторонников разных групп в конфликте, а вторые – инициировать совместные проекты, которые способствовали бы построению мира на самой широкой платформе. Посредничество на этом уровне может также содействовать войскам в поддержании мира, гуманитарным работникам и другим деятелям улаживать возникающие местные и региональные стычки. Таким образом, как в теории, так и на практике существует множество возможностей для установления связи между вмешательствами третьей стороны и общественной иерархией, которая находит отражение в социальных конфликтах.

Концепция ситуативности заставляет нас рассматривать деятельность третьих сторон также в более широком контексте мира и трансформации конфликта. Примирение, посредничество (как таковое или силовое) и арбитраж обычно относятся к сфере миротворчества. В каждую из них третьи стороны привносят разную степень легитимности и власти, однако все они направлены на достижение политического соглашения по принципиальным вопросам конфликта.

В то же время, консультирование более соответствует сфере построения мира. Первоначально концепция построения мира обозначала такие изменения в политической и экономической системе общества, которые снижали бы или вообще ликвидировали структурное неравенство, послужившее причиной открытого насилия между группами. В последнее время в концепцию построения мира дополнительно стали включать социальный компонент, т.е. поощрение такого взаимодействия противников, которое налаживало бы или восстанавливало бы их сотрудничество, опирающееся на понимание, доверие и взаимную поддержку. Таким образом, для налаживания мирных взаимоотношений, основанных на равенстве, уважении и справедливости, построение мира должно включать как структурные, так и социальные компоненты.

В контексте построения мира консультирование, проводимое третьей стороной, может расширяться, превращаясь в общий метод интерактивного разрешения конфликтов, в рамках которого стороны совместно анализируют конфликт и находят для него решение, отвечающее их базовым потребностям и способствующее построению мира и восстановлению справедливости (Fisher, 1997). Подобные вмешательства могут принимать разные формы – от налаживания диалога между противниками путем семинаров по обучению навыкам разрешения конфликтов, и включая их анализ, проводимый в смешанных группах, как для высокопоставленных, так и для рядовых представителей сторон.

Интерактивное разрешение конфликтов приносит наибольшие плоды тогда, когда оно осуществляется неофициальной третьей стороной, использующей свои знания и навыки для консультирования или налаживания других форм интенсивного взаимодействия между сторонами. Интерактивное разрешение конфликтов может также дополнять и поддерживать официальный миротворческий процесс, с тем, чтобы добиться большего результата, чем просто заключение соглашения. Эти формы вмешательства не затрагивают напрямую структурные аспекты конфликта, тем не менее, они позволяют сторонам преодолеть рамки урегулирования и приблизиться к трансформации конфликта. Интерактивные методы помогают, в частности, достичь примирения противников и тем самым не позволяют развалиться договоренностям, достигнутым в процессе миротворчества из-за неадекватного их осуществления или новой волны насилия. Если усилия по построению мира добиваются результатов как в структурной, так и в социальной сфере, это повышает шанс наладить гармоничные и равноправные отношения между сторонами.

4. Дополнительные факторы вмешательства третьей стороны

Вмешательства в чужие конфликты сталкиваются с разнообразными политическими и практическими проблемами. В данном разделе я рассматриваю шесть вопросов и факторов, которые могут возникать в контексте внешнего вмешательства в конфликт. Хотя большинство этих вопросов рассматриваются здесь применительно к посредничеству, они также актуальны и для других форм вмешательства. Первые три носят скорее политический характер, поскольку относятся к отношениям между сторонами конфликта, и между ними и третьей стороной и затрагивают вопрос об использовании и злоупотреблениях власти. Последние три вопроса касаются практической сферы: стратегии, результатов и профессиональной этики вмешательства.

4.1. Культура

Во многих вмешательствах третья сторона представляет иную (часто доминирующую) культуру, чем стороны конфликта, которые сами могут также принадлежать к разным культурам (нередко доминирующей и подавляемой). Культура – это неотъемлемый элемент человеческой жизни, однако ее влияние на поведение человека часто неправильно интерпретируется и недооценивается. Поскольку каждая культура обладает своими исходными предпосылками, убеждениями, нормами, обычаями и институтами, регулирующими разные аспекты жизни, аналогичный набор фундаментальных факторов присутствует и в конфликте. Как указывали многие авторы, среди которых можно упомянуть М. Росс (*Ross, 1993*), именно культура определяет то, как люди будут характеризовать и воспринимать конфликт, вести себя в нем и пытаться его разрешить; другими словами, в каждом обществе существует своя культура конфликта. Поэтому, когда противоборствующие группы исходят в отношении конфликта из разных культурных предпосылок, эти различия, безусловно, становятся еще одной причиной конфликта и его эскалации.

Следовательно, актуальным становится вопрос о том, как третьим сторонам научиться чутко воспринимать культурные параметры конфликта. Что нужно сделать, чтобы они лучше понимали собственную культуру, чтобы начали понимать и с уважением относиться к культурам, в которых они работают, и видеть, каким образом культурные различия влияют как на отношения между сторонами, так и между сторонами конфликта и третьей стороной? Последнее особенно важно в ситуациях, когда третья сторона представляет доминирующую культуру, а стороны конфликта – менее влиятельные или даже угнетаемые культуры. Неравномерное распределение власти в современном мире нередко приводит к ситуациям, когда третьи стороны происходят из доминирующих, богатых западных стран (северное полушарие), а вмешательства проводятся в остальных регионах мира (южное полушарие). Поэтому третьи стороны должны очень осторожно относиться к вопросу о переносе моделей вмешательства, принятых в их культурах, на другие места и других людей.

Как предлагают К. Эйврук и П. Блэк (*Avruch, Black, 1993*), первым шагом к успешному вмешательству должно стать проведение культурного анализа конфликта, анализа, который выходил бы за рамки своей культурной парадигмы, и обозначал бы культурные измерения конфликта, оценивая их актуальность для проявления и будущего разрешения. Если он станет дополнять традиционно проводимый третьими сторонами исторический, политический, стратегический и социальный анализы, это позволит создать более богатый, устойчивый и убедительный фундамент для работы.

4.2. Асимметрия власти

Для того, чтобы хорошо понимать конфликт и осуществлять эффективное вмешательство, третья сторона должна также иметь взвешенное представление о динамике власти в конфликте. Она должна хорошо представлять себе, какое влияние на процесс и на результат вмешательства может оказывать дисбаланс власти между сторонами конфликта, а также между третьей стороной и одной или обеими сторонами конфликта.

Для эффективной работы третьих сторон необходим некий баланс власти (*Fisher, 1972*). Конструктивное взаимодействие между сторонами конфликта возможно только тогда, когда каждая из них в состоянии противостоять другой либо в

настоящем, либо в будущем. К сожалению, доминирующие группы или отдельные лица вряд ли захотят отдать власть добровольно; наоборот, в отсутствии институциональных механизмов контроля они склонны злоупотреблять ею.

Внешняя сторона может сыграть позитивную роль в защите интересов более слабых сторон, осуществляя ряд превентивных мер – налаживание диалога, взаимопонимания, доверия и уважения между сторонами, с тем, чтобы конфликт на стадии конфронтации принимал бы менее насильственные формы. Без определенного баланса власти вмешательство превращается в симуляцию, когда более сильная сторона использует взаимодействие для своего блага, и при этом ключевые вопросы конфликта остаются без внимания. Третья сторона должна попытаться сбалансировать ситуационную власть, например посредством обучения и консультирования, укрепляя позицию более слабой стороны. Однако, как указывают Н. Руана и С. Корпер (*Rouhana, Korper, 1997*), даже в подобных процессах третьей стороны должны хорошо представлять себе, как асимметрия власти влияет на цели вмешательства и анализ конфликта.

В этом контексте встает вопрос о применении системы вознаграждений и наказаний, например в контексте силового посредничества. В некоторых затяжных и глубоких конфликтах, когда стороны находятся в постоянном военном противостоянии, силовое посредничество может сыграть важную роль, содействуя заключению первоначального соглашения. При этом нельзя забывать, что использование принуждения в корне противоречит ценностям независимости и свободного выбора, которые должны занимать ключевую позицию в сфере разрешения конфликтов. Следовательно, лица или структуры, имеющие доступ к ценным для сторон конфликта ресурсам, должны осторожно применять имеющуюся у них власть. При недостатке культурной чуткости подобная власть может проявиться в возникновении указующих или предписывающих методов работы. Как утверждает В. Жабри (*Jabri, 1995*), все третьей стороны – будь они директивного или вспомогательного типа – должны помнить, что их вмешательства происходят в рамках существующих социальных систем и структур, которые они могут своими действиями либо укрепить, либо трансформировать.

4.3. Пристрастность третьей стороны

Считается общепринятым, что третья сторона должна быть беспристрастной и нейтральной, не отдавая предпочтения одной стороне перед другой и не предрешая исход конфликта. Беспристрастность считается одним из главных требований для того, чтобы стороны согласились на вмешательство, и условием для налаживания доверительных отношений. Она служит основой для выполнения третьей стороной своей роли.

Однако в последнее время все чаще стал подниматься вопрос о том, могут ли свою роль в урегулировании сыграть посредники, которые пристрастны в пользу той или иной стороны конфликта. Например, С. Туваль и У. Зартман (*Touval, Zartman, 1989*) утверждают, что мотивы посредника необходимо описывать в контексте политики силы и что посредники почти всегда преследуют и собственные интересы в конфликте и поэтому не могут занимать по-настоящему нейтральную позицию по отношению к вопросам и условиям, которые составляют предмет переговоров.

Для сторон конфликта беспристрастность часто служит менее важным фактором, чем достижение благоприятного результата и продолжение отношений с влиятельным посредником. Менее приближенная сторона может согласиться на при-

страстного посредника именно потому, что верит, что он/она сможет оказать влияние на приближенную сторону, подталкивая ее к достижению соглашения. Подобные ситуации касаются в основном международного уровня, и трудно определить, насколько они актуальны для других уровней вмешательства. Однако подобные рассуждения показывают, что беспристрастность посредника является более сложным и стратегически важным вопросом, чем это может показаться на первый взгляд. Если в конфликте определенную пользу могут принести пристрастные посредники со своими политическими целями и материальными интересами, это лишь расширяет возможности посредничества. Однако нужно помнить, что такой подход ставит под угрозу добровольную и непринудительную природу посредничества, которая соответствует системе ценностей, принятой в сфере разрешения конфликтов.

4.4. Выбор времени вмешательства и понятие зрелости конфликта

Вмешательство в двусторонние и многосторонние конфликты чаще всего происходит только после того, как конфликт достиг определенной степени развития и эскалации. К сожалению, посредничество обычно начинается только после того, как сторонам не удалось достичь решения самостоятельно и конфликт был отягощен инцидентами принуждения и насилия. Поэтому посреднику чаще всего приходится работать в ситуации, когда обе стороны понесли значительные потери, которые ужесточили их позиции и взгляды.

Какой момент или моменты наиболее благоприятны для вмешательства? Этот вопрос привел к появлению концепции “зрелости”, которая может обозначать и состояние конфликта, и момент вмешательства. И.У. Зартман (*Zartman, 1985*) предложил две концепции: “зрелая ситуация” и “травмирующий тупик”, которые относятся в основном к международным конфликтам. Развивая аргумент с точки зрения реалистичной политики, Зартман утверждает, что стороны тогда начнут рассматривать возможность внешнего вмешательства, когда исчерпают свои ресурсы и зайдут в требующий больших затрат тупик, из которого не будут видеть выхода. Кроме того, их восприимчивость к вмешательству будет выше, если они будут уверены, что ситуация может только ухудшиться, и в частности, если они недавно избежали катастрофы или ожидают неминуемую катастрофу в будущем. Обоюдная уверенность в тщетности попыток решить конфликт должна дополняться убеждением, что жест примирения будет подхвачен противоположной стороной. Стороны должны поверить в то, что посредничество поможет найти общее решение и тем самым откроет им выход из конфликта.

Демонстрируя высокую стоимость деструктивного конфликта и еще раз доказывая, что международное посредничество более эффективно на поздних, а не на ранних стадиях эскалации конфликта, Зартман своим анализом заставляет трезво взглянуть на многие конфликтные ситуации. В то же время, существуют примеры, когда в нарастании враждебности наступает момент, после которого конфликт превращается в неразрешимый. Поэтому если ждать травмирующего тупика и катастрофы, это лишь усугубит ситуацию (и будет недопустимым с этической точки зрения). Действительно, как отмечал покойный Дж. Рубин (*Rubin, 1991*), для вмешательства в деструктивный конфликт может быть множество “созревших ситуаций”. Третья сторона не должна рассматривать вопрос выбора времени как некую западню, в которой она будет ждать травмирующих тупиков и неминуемых катастроф. Напротив, она должна сама создавать эту зрелость на любой стадии конфликта. Это

позиция, которая соответствует принципам интерактивного разрешения конфликтов и сопряженной модели, которые утверждают, что любой вид внешнего вмешательства почти всегда более эффективен, чем бездействие.

4.5. Эффективность посредничества третьей стороны

Третьи стороны могут выполнить определенную полезную функцию в разных конфликтах и на разных уровнях общества, однако, успеха они достигают не всегда. Несмотря на сложность вопроса об успешности вмешательств, попытки оценить деятельность третьей стороны предпринимались в разных секторах общества и в отношении разных типов вмешательства. Для этих оценок использовали ряд индикаторов: процент достигнутых соглашений, степень удовлетворенности сторон результатом, изменения во взглядах и поведении сторон, справедливость решения с точки зрения сторон и выполнение условий соглашения (*Kressel, Pruitt, 1989; Kressel, 2000*).

Оценка эффективности должна прежде всего учитывать, что каждая форма вмешательства имеет свои задачи. Например, консультирование не ставит целью достичь соглашения по принципиальным вопросам (как посредничество), и оценка его должна это учитывать. Консультирование направлено на изменение взглядов и улучшение отношений между сторонами, что в итоге должно привести к налаживанию их сотрудничества и трансформации конфликта. Большинство типов посредничества, напротив, не ставит целью трансформировать отношения между сторонами. Поэтому оценка должна выявлять зависимые переменные, представляющие собой предполагаемый результат каждого данного типа вмешательства, и адаптировать оценку так, чтобы это позволяло отражать их успешность. Бесмысленно критиковать посредничество, которое не изменило принципиальную позицию сторон, или консультирование, которое не привело к непосредственному решению конфликта.

Большинство типов посредничества во внутренних конфликтах, по крайней мере в Северной Америке, достаточно успешны (если судить по уровню заключенных соглашений, который достигает 50%). Уровень общего удовлетворения посредничеством и выполнения условий соглашения также остается умеренно высоким как в абсолютных понятиях, так и по сравнению с традиционными методами урегулирования. В целом посредничество может считаться эффективным методом, который пользуется широким признанием и оправдывает затраты на него, особенно если сравнивать это с такой официальной и жесткой альтернативой, как судебное разбирательство.

Однако исследования по эффективности посредничества в заключении соглашения на международном уровне продемонстрировали более разнородные результаты, где уровень успешности варьировал в пределах 10–50%, в зависимости от использованных критериев и примеров. Успех посредничества в затяжных гражданских войнах этнополитического характера, к сожалению, остается особенно низким, в пределах 10–20%. Это отражает особенности конфликтов, связанных с идентичностью, которые в случае обострения до уровня широкомасштабного насилия сводят на нет любые попытки вмешаться.

В межгрупповых и международных конфликтах консультирование третьей стороны разработано намного меньше и намного реже применяется, чем посредничество. Однако проведенный мною недавний обзор неофициальных вмешательств третьей стороны, имевших место на протяжении последних тридцати лет, продемонстрировал, что в целом они имели позитивный результат, по крайней мере, судя по анализу практических примеров (*Fisher, 1997*). Наряду с этим, оценка

множества семинаров по решению проблем и других аналогичных вмешательств продемонстрировала, что большинство из них действительно внесли положительный вклад в разрешение конфликта. В частности, 58% из них оказали положительное влияние (и даже внесли ощутимый вклад) на контекст мирного процесса, а 26% существенно помогли в проведении переговоров, предложив свой анализ конфликта, формулировки и схемы соглашения. Эти предварительные результаты подтверждают, что интерактивное разрешение конфликтов должно использоваться более широко как само по себе, так и дополнительно к официальным мерам по поддержанию мира.

4.6. Этика вмешательства

Этика вмешательства на личном или институциональном уровне – это одновременно и политический, и практический вопрос. Он касается того, какие моральные и этические принципы закладывают основу практической деятельности и какие гарантии предоставляются тем, на кого эта деятельность ориентирована. Этика – это нечто больше, чем перечисление того, что можно или нельзя; сформулировать простые предписания, которые были бы применимыми во всех ситуациях, просто невозможно. Этику следует понимать как неотъемлемый элемент идентичности людей и организаций. Тот, кто берет на себя смелость вмешиваться в жизнь других людей, особенно в критические моменты конфликта, должен тщательно взвешивать этические и моральные последствия своих действий. Как и с законами, незнание здесь не освобождает от ответственности.

Вмешательство в конфликт, особенно в социальный, должно рассматриваться как форма профессиональной деятельности, в которой третья сторона должна соответствовать определенным требованиям (*Fisher, 1997*). Они включают знание и понимание феномена, с которым она работает (деструктивный социальный конфликт), владение практическими навыками (посредничество, консультации и т.д.), подлинная приверженность гуманитарным принципам, непрерывное углубление своих знаний и компетентности, целостность взглядов и стандартов этического поведения, которые руководили бы взаимодействием с теми, кому служит данный человек. Третьи стороны, действующие неформально и неофициально, на местном или на самом высоком политическом уровне, должны подходить к этим требованиям так же серьезно, как и, скажем, международные дипломаты, посредничающие в межгосударственных спорах.

Большинство людей, работающих в сфере разрешения конфликтов на Западе, обычно приходит в эту область из профессий, в которых принято учитывать этические факторы: юриспруденция, социальная работа или психология. Неформальные третьи стороны, которые работают в групповых конфликтах, тоже обычно понимают, что их роль должна соответствовать определенным этическим принципам, даже если они не систематизированы. Целостность не требует профессионального штампа, и этическое поведение не нуждается в формальном кодексе. Однако те, кто собирается вмешаться в чужие ситуации, всегда должны быть готовы продемонстрировать, на что опирается их компетентность, и постоянно проявлять заботу о благополучии своих клиентов.

Существуют примеры, когда влияние третьих сторон становилась основой неэтичного поведения, служившего интересам самой организации-посредника, а не сторон конфликта. Необходимо осознавать, что если сторона выступает с просьбой о посредничестве, она скорее всего находится в уязвимом положении, и известное изречение “пусть покупатель остерегается” не может стать гарантией не-

прикосновенности. Одного минимального этического принципа “не навреди” недостаточно для практики вмешательства в конфликт.

В плане этического функционирования в разных профессиональных сферах на Западе можно найти много полезного материала. Почти все профессии, связанные с предоставлением услуг (в том числе консультационные), разработали этический кодекс для своих членов. Хотя эти кодексы отсылают к общим принципам этики (честность, справедливость, уважительное отношение к другим), их применение обычно ограничивается конкретными ситуациями, в которых применение общих принципов определяется конкретными обстоятельствами и этическими дилеммами.

В последнее время в сфере разрешения конфликтов также возник интерес к своему кодексу. Например, “Общество работников в сфере разрешения споров в США” опубликовало заявление, в котором перечислило этические стандарты, которым должны следовать нейтральные стороны, осуществляющие вмешательство. Некоторые международные неправительственные организации, работающие в сфере трансформации конфликтов, выработали свои принципы и/или кодексы поведения, регулирующие их вмешательство в ситуации конфликта, которые обычно происходят в контексте других обществ и культур. Например, организация “Международная Тревога” разработала детальный кодекс поведения, содержащий основные этические принципы и дополненный положениями, касающимися прав человека, беспристрастности и партнерства.

Эти ценные инициативы вызвали важную дискуссию о природе деятельности по разрешению конфликтов, особенно в случаях, когда она осуществляется организациями и лицами из северного полушария. Многие вопросы остаются актуальными, особенно в отношении интересов, которым служит вмешательство, необходимости чутко относиться к вопросам культуры и гендера, профессиональных стандартов в практической работе, а также необходимости учитывать в кодексах поведения культурные факторы. Эти дискуссии, в которых принимают участие как третьи стороны, так и объекты вмешательства, могут сыграть важную роль, способствуя сфере разрешения конфликтов учитывать потребности тех, кто прошел через ужасы деструктивного конфликта. Ведь разрешение конфликта в краткосрочной и долгосрочной перспективах зависит не только от его урегулирования, но и от трансформации. Любое общество выиграет, если будут разработаны теория и практика, позволяющие разным социальным группам мирно сосуществовать и сотрудничать в атмосфере согласия и равенства.

5. Заключение

Методы вмешательства третьей стороны нашли яркое выражение в сфере разрешения конфликтов, однако как в теории, так и в практике есть пространство для дальнейшего развития. Необходимо лучше понимать разные виды вмешательства и их сильные стороны в решении деструктивных конфликтов, особенно на межгрупповом уровне. Только в этом случае применение разных видов вмешательства будет соответствовать особенностям того или иного конфликта, а их эффективность повысится за счет правильного сочетания и последовательности разных инициатив.

Для этого необходимо оценить существующие методы по тому, направлены ли они в основном на построение мира и трансформацию конфликта или же на миротворчество и урегулирование конфликта. Должна быть разработана общая теория, которая служила бы опорой для практики, однако важно также осознавать, что любая сфера деятельности (будь то отношения между работниками и работодателями, коммерция, международные отношения или посредничество между

жертвой и преступником) требует своей теоретической основы для осмысления и практики. Нужно помнить, что эффективное вмешательство третьей стороны должно служить важным компонентом социальных изменений и должно стремиться достичь согласия и равноправия между людьми и группами как внутри обществ, так и между ними.

- Avruch K.*, 1998. *Culture and Conflict Resolution*. Washington, DC: United States Institute of Peace.
- Avruch K., Black P.*, 1993. *Conflict Resolution in Intercultural Settings: Problems and Prospects // Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application / Eds. J. Dennis, D. Sandole and H. van der Merwe*. Manchester, UK: Manchester UP. P. 131–145.
- Bush R., Folger J.P.*, 1994. *The Promise of Mediation: Responding to Conflict Through Empowerment and Recognition*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Deutsch M., Coleman P.T.* (eds.), 2000. *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Diamond L., MacDonald J.*, 1996. *Multi-Track Diplomacy: A Systems Approach to Peace, Third Edition*. West Hartford, CT: Kumarian Press.
- Fisher R.J.*, 1972. *Third Party Consultation: A Method for the Study and Resolution of Conflict // Journal of Conflict Resolution*. Vol. 16. P. 67–94.
- Fisher R.J.*, 1983. *Third Party Consultation as a Method of Conflict Resolution: A review of studies // Journal of Conflict Resolution*. Vol. 27. P. 301–334.
- Fisher R.J.*, 1997. *Interactive Conflict Resolution*. Syracuse, NY: Syracuse UP.
- Fisher R.J., Keashly L.*, 1990. *Third Party Consultation as a Method of Intergroup and International Conflict Resolution // The Social Psychology of Intergroup and International Conflict Resolution / Ed. R.J. Fisher*. NY: Springer-Verlag. P. 211–238.
- Fisher R.J., Keashly L.*, 1991. *The Potential Complementarity of Mediation and Consultation within a Contingency Model of Third Party Intervention // Journal of Peace Research*. Vol. 28. P. 29–42.
- Glasl F.*, 1982. *The Process of Escalation and the Role of Third Parties // Conflict Management and Industrial Relations / Eds. G.B.J. Bomers and R.B. Peterson*. Boston, MA: Kluwer-Nijhoff. P. 119–140.
- Honeyman C.*, 1993. *A Consensus on Mediators' Qualifications // Negotiation Journal*. Vol. 9. P. 295–308.
- Jabri V.*, 1995. *Agency, Structure and the Question of Power in Conflict Resolution // The Kent Journal of International Relations*. Vol. 9. P. 53–70.
- Jabri V.*, 1996. *Discourses on Violence: Conflict Analysis Reconsidered*. Manchester, UK: Manchester UP.
- Keashly L., Fisher R.J.*, 1996. *A Contingency Perspective on Conflict Interventions: Theoretical and Practical Considerations // Resolving International Conflicts: The Theory and Practice of Mediation / Ed. J. Bercovitch*. Boulder, CO: Lynne Rienner. P. 235–261.
- Kressel K.*, 2000. *Mediation // The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice // Eds. M. Deutsch and P.T. Coleman*. San Francisco, CA: Jossey-Bass. P. 522–545.
- Kressel K., Pruitt D.* (eds.), 1989. *Mediation Research: The Process and Effectiveness of Third-Party Intervention*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Kriesberg L.*, 1996. *Varieties of Mediating Activities and Mediators in International Relations // Resolving International Conflicts: The Theory and Practice of Mediation / Ed. J. Bercovitch*. Boulder, CO: Lynne Rienner. P. 219–233.
- Lederach J.P.*, 1997. *Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies*. Washington, DC: United States Institute of Peace.
- Mitchell C.R.*, 1988. *The Motives for Mediation // New Approaches to International Mediation / Eds. C.R. Mitchell and K. Webb*. NY: Greenwood Press. P. 29–51.
- Moore C.W.*, 1996. *The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Prein H.*, 1984. *A Contingency Approach for Conflict Intervention // Group and Organization Studies*. Vol. 9. P. 81–102.
- Ross M.H.*, 1993. *The Culture of Conflict: Interpretations and Interests in Comparative Perspective*. New Haven, CT: Yale UP.

- Rouhana N.N., Korper S.H.*, 1997. Power Asymmetries and Goals of Unofficial Third Party Intervention in Protracted Intergroup Conflict // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. Vol. 3. P. 1–17.
- Rubin J.Z.*, 1991. The Timing of Ripeness and the Ripeness of Timing // *Timing and De-escalation in International Conflicts* / Eds. L. Kriesberg and S.J. Thorson. Syracuse, NY: Syracuse UP. P. 237–246.
- Schaeff A.W.*, 1981. *Women's Reality: An Emerging Female System in a White Male Society*. NY: Harper & Row.
- Taylor A., J. Beinstein Miller* (eds.), 1994. *Conflict and Gender*. Cresskill, NJ: Hampton Press.
- Touval S., Zartman I.W.* (eds.), 1985. *International Mediation in Theory and Practice*. Boulder, CO: Westview.
- Touval S., Zartman I.W.*, 1989. *Mediation in International Conflicts // Mediation Research: The Process and Effectiveness of Third-Party Intervention* / Eds. K. Kressel, D. Pruitt and Associates. San Francisco, CA: Jossey-Bass. P. 115–137.
- Weeks D.*, 1992. *The Eight Essential Steps to Conflict Resolution*. Los Angeles, CA: Jeremy P. Tarcher.
- Zartman I.W.*, 1985. *Ripe for Resolution: Conflict and Intervention in Africa*. NY: Oxford UP.
- Zartman I.W., Rasmussen J.L.* (eds.), 1997. *Peacemaking in International Conflict: Methods and Techniques*. Washington, DC: United States Institute of Peace.